

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

РУССКАЯ

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЛИНИЯ

АНАСТАСИЯ
ИВАНОВА

ОБОЛОЧКА ЗЕРО

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И20

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Иллюстрация: *Светлана Сапега*

ISBN 978-5-17-152900-0

© Анастасия Иванова, текст, 2023
© Светлана Сапега, обложка, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой героиню одолевают помыслы,
не приличествующие юной и неискушённой девушке*

«Когда-то давным-давно не было ни времени, ни пространства, ни человека, ни зверя — лишь информационная Сущность, и ведала она все типы данных, и владела синтаксисом.

И была эта Сущность абстрактным метаклассом, и дочерний класс Бог был чистое благо и свет, но дочерний класс Дьявол был плохо определён и неустойчив в себе.

Подкласс Бог создал множество данных и методов, совокупность которых сформировала информационную реальность. И это было хорошо. Подкласс Дьявол же, дабы ни в чём не уступить Богу, сотворил подобным же образом реальность физическую.

Но и этого Дьяволу показалось мало, и, дабы отвлечься от собственных тьмы и хаоса, он создал экземпляры птиц и рыб, зверей и людей. И все они были объявлены в физических телах, ибо Дьявол был жесток

и любил поиграться. А человека Дьявол наделил ещё и сознанием, уподобив Сущности, дабы он был способен не только испытывать страдания, но и постичь всю их меру.

Какое-то время обе субсущности наблюдали из информационно-реальной реальности за реальностью физической, в которой отныне обитали разные существа. И Дьявол, глядя на них, веселился и развлекался, но Бог испытывал скорбь и сочувствие. Ладно зверушки бессознательные, но люди претерпевали особенно жестокие мучения, и Бог подумал, что со стороны его второй половинки это было всё-таки немного чересчур.

И тогда людям был послан пророк, светлый отрок Илон, волею Божьей сотворивший чудо Открытия. И была сотворена первая Оболочка, и проложен путь к свету, ибо теперь можно было забыть о горестях и невзгодах физических. И познал человек информационную реальность, и она сделала его свободным. Ибо отныне он мог по собственному разумению выбирать интерфейс для взаимодействия с окружающим, без оглядки на бренное тело своё и прочие обстоятельства физического порядка.

Но путь был тернист, и... »

Энни незаметно приподняла голову над молитвенником и нашарила взглядом Сая в трёх рядах впереди. Неужто читает?

Надо же было по собственному разумению выбрать такой интерфейс взаимодействия с окружающим, чтобы вот так вот проводить каждое воскресное

утро! Конечно, их религия простая и короткая — не то что те, древние. И в прошлой оболочке её было тоже предостаточно. Но всё-таки — зачем она вообще нужна, религия, нынче-то?

«Сотворение инфомира» Энни знала, спасибо мамочке и папочке, практически дословно. Прорыв в изучении нейросетей, расцвет коннекционизма, активация шестого чувства, движение за освобождение таламуса, активация седьмого чувства, еретики против дальнейших исследований мозга, зарождение менталнета, прижизненная канонизация отрока Илона Ватиканом, глобальная миграция абонентов...

Губы девушки машинально шевелились, а глаза нет-нет да и стреляли по сторонам, по скромному убранству их небольшой церковки и знакомым спинам прихожан. Больше всего доставалось спине Сая.

Саймон — это её самый старый, самый лучший и вообще единственный друг. Они с рождения вместе, в детстве у них и оболочки были одинаковые. Говорят, тяжело сохранить отношения, если знал человека в одной оболочке, а потом он взял и закачал другую. А вот им с Саем не тяжело. Они друг друга с полуслова понимают.

Хотя...

Если насчёт ума дело могло бы обстоять и лучше, то на недостаток любопытства Энни жаловаться ещё не приходилось. И в сети она уже много чего повидала. И в последнее время ей от случая к случаю

приходило в голову, что, когда Сай смотрит на неё своим тёплым взглядом — это же только её собственная интерпретация. У себя, в своей оболочке, Саймон и выглядит немножко иначе, и говорит немножко другое. Его и зовут-то там не Саймоном вовсе.

То есть на самом деле это *она*, Энни, смотрит на себя *своим* тёплым взглядом.

Поймав себя почти что на ереси, Энн виновато покосилась на отца Маккену, степенно расхаживающего по проходу меж рядами деревянных, отполированных временем скамеек. Ему, ясное дело, печали нет — она ж не чьё-нибудь душевное здоровье губит, а своё собственное. Но уважать всё же надо.

На прошлой исповеди Энни наконец-то поделилась с отцом Маккеной тяжким грузом, который с самой интеграции лежал у неё на душе.

— Святой отец... У меня такое чувство, будто я не на своём месте. Вообще, в жизни. Словно этот мир — вовсе не мой.

Отец Маккена покашлял. Из-за бархатной занавесочки на оконце исповедальни Энн не могла его видеть, но живо представляла себе его густые, насупленные брови, ирландский нос картошкой и обаятельную улыбку в рыжей бороде.

— Тебе кажется, что ты выбрала не ту оболочку для взрослой жизни, дитя моё?

— Я не уверена... Возможно...

— Так смени её, как только обретёшь уверенность.

— Не могу, святой отец. У меня не хватит кредитов.— Опечалившись ещё больше, Энни договорила про себя: «...в ближайшие сто лет».

— Тогда прими свою жизнь такой, какая она есть, дитя моё. Учись находить отраду в том, что тебе даровано. Ты ведь знаешь: и отрок Илон был рождён несвободным — а оковы физической реальности гораздо тяжелее твоих нынешних! — но безропотно сносил муки, трудясь и веря в грядущее освобождение,— голос отца Маккены был, как всегда, грубоват, но проникновенен: — Терпение и вера, дитя моё, терпение и вера.

Тогда напутствие святого отца немного приободрило Энни: она сразу припомнила, что у неё тут, по крайней мере, есть Сай, и это впрямь чудесно — он и понимает её с полуслова, и всегда поддержит, подскажет что-нибудь дельное. Он ведь старше и уйму всего знает. Много думает о всяком таком — об устройстве мира, например. Вот сейчас как раз позвал отца Маккenu, наверняка они что-то в этом духе там обсуждают вполголоса. Интересно, в оболочке Сая отец Маккена — тоже священник? А может, жрец? Или какой-нибудь восточный гуру?

Энн досадливо тряхнула головкой и уставилась в молитвенник. Очень, очень нехорошо для душевного здоровья думать о том, как выглядит мир из другой оболочки. Отсюда и до нечестивых мыслей об объективной реальности недалеко. Грешна, грешна.

А всё Сай, между прочим! Устройство мира и всякое такое. Только с ним они на такие темы говорят. Это он виноват, что теперь ей в голову лезет всякое непотребство, да ещё в святых стенах церкви.

До конца службы — торжественных финальных «во имя наследования, полиморфизма и благой инкапсуляции» — Энни сидела примерно, а получив благословение отца Маккены, чинно-медленно вышла из церкви с толпой прихожан и задержалась у дверей.

Солнце палило нещадно. Часы на церковной башенке захрипели, откашлялись и кое-как пробили полдень — словно кто-то колотил по огромной пустой жестянке из-под гвоздей. На веранде салуна «Два барабана», задрав ноги на перила, предавались воскресному отдыху мистер Макинтош и Джим Бейкер, безбожники этакие. Фермер Росс прокатил мимо на гроыхающей телеге, и обе лошади у коновязи всхрапнули.

В детстве Энни очень любила всё про Дикий Запад. Он и до сих пор ей нравился. Только она-то надеялась, что окажется здесь этакой боевой леди вроде Шарон Стоун: роскошная шевелюра (и вьются сами, от природы), надменный прищур, парочка верных кольтов на бёдрах да трендовые кожаные штаны со шнуровкой.

А вышло что?

С тяжёлым вздохом Энн поправила чепец (голова под ним жутко чесалась), бросила горестный взгляд

на своё платье в мелкий буро-розовый цветочек и потопала к дому. Поднимая с каждым шагом облачко сухой жёлтой пыли. Сама виновата. Выбрала бы какой-нибудь Хоббитон — шагала бы сейчас босыми пяточками по сочной новозеландской травке. И вообще-то не пристало девушке ходить к воскресной службе одной.

У салуна за спиной Энн послышались быстрые шаги, что весьма её обрадовало: она на это надеялась.

— Энни! Я тебя провожу.

Саймон, как обычно, был худ, высок и светловолос. И выразительные серые глаза его, как обычно, при взгляде на неё лучились ровным теплом и дружелюбием. Но не только. Что-то с её Саем творится не то.

— Как здоровье твоей матушки?

— Спасибо, неплохо.— Энн слегка поморщилась: — Отец Маккена сегодня интересно отвечал на вопросы, да?

— Да... — Друг витал где-то далеко и едва не ступил в артефакт, созданный лошадками фермера Росса. Энни решилась на робкий вопрос:

— Тебя что-то тревожит, Сай? В последнее время ты сам не свой.

Сай бросил на неё быстрый взгляд и сперва отмерил дюжину шагов своими длинными ногами, за которыми Энн было иной раз непросто поспевать, а затем негромко спросил:

— Что у тебя за оболочка, Энни?

Энн округлила глаза и постаралась покраснеть, как положено любой приличной девушке, когда ей задают настолько из ряда вон нескромный, прямо-таки интимный вопрос. Интересоваться чужой оболочкой — всё равно что цветом исподнего: другая и другая, не твоё дело. Если только не...

О боже! Неужели?!

— Дикий Запад,— тихонько пробормотала Энн, потупив глазки и старательно изучая носки своих ботинок.

— Серьёзно? — Сай был удивлён: — Я же в нём жил подростком.

— Я знаю,— прошептала Энни совсем уже еле слышно.

Вот сейчас. Сейчас...

Саймон обдумывал следующий вопрос ещё дольше обычного: они успели свернуть с главной улицы, и Энн даже умудрилась как ни в чём не бывало обменяться приветствиями с миссис Макбейн и мисс Бергеман. Ну и наряд! Кокошник-то, кокошник — Господь всеблагой, и откуда она берёт эти расцветки?

— А у тебя никогда не бывает чувства, что ты выбрала неправильно?

Вот. Вот оно! Энн едва не подавилась воздухом, и да простит её отец Маккена:

— Ещё как!

Поворот к её дому они уже миновали и теперь шли по окраине: дома здесь уже не подпирали друг друга, стояли пореже, между ними торчали несчастные

усохшие кустики с одним-двумя листочками, вот ведь климат. Сай явно направлялся к их любимому месту у речушки, в летнюю пору скудевшей до вялого ручейка. У Энни почти совсем нет кредитов... Да и Саймон не из богатых, уж ей-то известно. Но может, он что-то откладывал? Ох, вот бы на двоих закачать какой-нибудь тропический остров и поселиться там в тростниковой хижине на белоснежном пляже, но это, конечно, жутко дорого, и...

...И что он теперь-то, ради всего святого, как воды в рот набрал?!

— Но ведь это же не навсегда,— решила прервать молчание Энн.— Если экономно вести хозяйство, я уверена, можно скопить достаточно кредитов, чтобы...

— Ах, Энни, Энни,— Саймон покачал головой, и в голосе его зазвучала такая снисходительная грусть, что Энн встревожилась.— Ты ведь совсем не видела мира. Две викторианские Англии в детстве и юности, теперь Дикий Запад — что почти одно и то же... Ты не знаешь жизни, как знаю её я.

Ручей был прямо впереди. О чём красноречиво свидетельствовала цепочка овечьих следов, намертво впечатанных в глинистую почву. Следом за Саем, обходя пучки сухостоя, Энн добралась до старой, немислимо выгнутой ивы с толстым стволом, на котором так удобно помещались двое не слишком упитанных собеседников, и изящно присела. Сай остался стоять, глядя на воду.

— Конечно, ты гораздо опытнее... — начала Энни. Ей до смерти хотелось спросить, в какой оболочке Сай живёт сейчас, но это было бы категорически против всяких приличий.— Ты повидал уже три мира...

— Пять,— перебил Сай и, видя отразившееся на лице Энн изумление, пояснил: — Дикий Запад, который родители выбрали для меня-подростка, не годился совершенно. Пришлось покупать новую оболочку. А буквально месяц назад я скачал ещё одну.

Месяц назад! А ей ничего не сказал?!

— Не злись, Энни.— Саймон вздохнул.— Понимаешь, я должен был кое-что проверить. Если бы ты только могла понять...

Внезапно он отвернулся, подобрал с земли прутик и швырнул в воду. Энн не знала, что и думать. Что-то дело идёт не совсем так, как она ожидала.

— Понять что-о-о?— вопросительно протянула она, когда стало ясно, что продолжать Саймон не собирается.

Друг исторг ещё один вздох, способный насмерть задавить несколько человек.

— Все они одинаковые, Энни. Все эти оболочки... Это всё обман, фальшивка.

— Я не понимаю...

— Нас водят за нос.— Сай резко повернулся и напряжённо уставился на неё: — Мы утопаем в иллюзорных мирах и теряем истинное «я»! Разве не очевидно, что кому-то это выгодно?

— Э-э... — Энн недоумённо приподняла брови. — Что выгодно?

— Отлучить людей от реального мира! — с жаром произнёс Сай. Его прекрасные серые глаза сверкали, на что девичье сердце немедленно откликнулось вполне определённым трепетом. — Принудить нас позабыть настоящее и жить фантазиями!

Волевым усилием совладав с тахикардией, Энн постаралась напрячь извилины — ну, по крайней мере нахмурилась:

— О чём ты, Сай? Про какой реальный мир ты говоришь?

Помешкав, Саймон уселся прямо на землю у ног Энн и, не глядя на неё, ответил негромко:

— Об объективной реальности. О физической. Энни опешила. Богохульство — но это ещё полбеды. Ещё же и глупость редкостная! А Саймон ведь умница.

— Сай, милый,— она решилась дотронуться до друга и погладить пальчиками грубую сюртучную ткань у него на плече. — Объективная реальность — это ведь когнитивное искажение. А физическая — так и вообще тюрьма для разума, и она давно в прошлом, и слава богу.

Сай вскинул голову:

— В прошлом? А ты знаешь, что есть страны, где инсталляция оболочек запрещена законом? Северная Корея, например?

Энн наморщила носик: